Историко-философский ежегодник
2025. Т. 40. С. 319–340
УДК 1(091)

History of Philosophy Yearbook
2025, vol. 40, pp. 319–340
DOI: https://doi.org/10.21146/0134-8655-2025-40-319-340

О своеобразии и типологической целостности русской философии: Нелли Васильевна Мотрошилова об отечественном философском наследии

В.В. Сидорин
Институт философии РАН
109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, Россия
vlavitsidorin@yandex.ru

Аннотация. В предлагаемой статье автор рассматривает работы Н.В. Мотрошиловой, посвященные истории отечественной философии, вписывая их в контекст развития историографии русской философии за последние три десятилетия и выделяя несколько моментов, которые кажутся ему определяющими для используемой ею оптики. Обрисовывая ключевые проблемы историографии русской философии последних десятилетий – концептуальный и методологический разрыв между последней и современной философской мыслью, а также своеобразный корпоративный разрыв внутри российского профессионального философского сообщества, – автор пытается продемонстрировать, что историко-философские штудии Мотрошиловой оказываются примером успешного преодоления обоих указанных разрывов. Предпринимается попытка объяснить исследовательские и личностные причины того значительного места, которое в ее историко-философском наследии занимает Владимир Соловьёв. С точки зрения автора, это объясняется не только тем обстоятельством, что философская мысль Соловьёва представляла наиболее яркий материал для доказательства двух основополагающих идей Мотрошиловой – парадигмального сдвига в философском мышлении, синхронно произошедшего на рубеже XIX–XX вв. в отечественной и европейской философии, а также

© Сидорин В.В., 2025

их сущностного единства, – но и использованием соловьёвского типа историко-философского рассуждения в ее собственных текстах. Кроме того, это внимание к творческому пути русского философа объясняется, с точки зрения автора, и глубокими симпатиями Мотрошиловой к относительной «срединности» его позиции. Во второй половине статьи раскрываются ключевая для Мотрошиловой идея о «спонтанной параллельности» отечественной и европейской философской мысли, связанная с ней тенденция к типологической историко-философской реконструкции, а также проблема русско-европейского философского диалога.

Ключевые слова: Н.В. Мотрошилова, «спонтанная параллельность», философия жизни, русско-европейский философский диалог, Вл. Соловьёв, типологическая историко-философская реконструкция

Для цитирования: Сидорин, В.В. «О своеобразии и типологической целостности русской философии: Нелли Васильевна Мотрошилова об отечественном философском наследии». *Историко-философский ежегодник* 40 (2025): 319–340.

Поступила в редакцию: 21.08.25
Принята к публикации: 14.10.25

On the Peculiarity and Typological Integrity of Russian Philosophy: Nelly Motroshilova on National Philosophical Legacy

Vladimir V. Sidorin
RAS Institute of Philosophy
109240, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, Russia
vlavitsidorin@yandex.ru

Abstract. In the article the author deals with N.V. Motroshilova's works devoted to the history of Russian philosophy, briefly putting them into the context of the historiography of Russian philosophy over the past three decades and highlighting several points that seem to him decisive for Motroshilova's optics. Outlining the key problems of the historiography of Russian philosophy in recent decades – the conceptual and methodological gap between Russian philosophy and modern philosophical thought,

as well as a sort of corporate gap within the Russian professional philosophical community, – the author tries to demonstrate that Motroshilova's historical and philosophical studies are an example of successful overcoming of both these gaps. An attempt is made to explain the research and personal reasons for the significant place that Vladimir Solovyov's thought occupies in Motroshilova's historical and philosophical heritage. From the author's point of view, this is explained not only by the fact that Solovyov's philosophical thought represented the most vivid material for proving Motroshilova's two fundamental ideas – a paradigm shift in philosophical thinking that occurred simultaneously at the turn of the 19th–20th centuries both in Russian and Western philosophy, as well as their essential unity, – but also by using the Solovyov's type of historical and philosophical reasoning. In addition, this attention to Solovyov's heritage could be explained by deep sympathies for the relative "middle ground" of his position. In the second half of the paper the author reveals one of the key Motroshilova's ideas – the concept of the "spontaneous parallelism" of Russian and Western philosophical thought, as well as the tendency to a typological historical and philosophical reconstruction, and the problem of Russian-European philosophical dialogue.

Keywords: Nelly V. Motroshilova, "spontaneous parallelism", philosophy of life, Russian-European philosophical dialogue, Vl. Solovyev, typological historical-philosophical reconstruction

For citation: Sidorin, Vladimir V. "On Peculiarity and Typological Integrity of Russian Philosophy: Nelly V. Motroshilova on National Philosophical Legacy." *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 40 (2025): 319–340 (in Russian).

Received: 21.08.25
Accepted: 14.10.25

Несколько предварительных замечаний

Примерно с середины 1980-х гг. в отечественном философском сообществе начинает набирать силу – с каждым годом всё большую – процесс, который затем окрестят «эпохой возвращения имен». Конечно, несмотря на идеологическое давление, русская религиозная философия никогда полностью не уходила из советского культурного пространства, продолжая

существовать в нём – пусть и фрагментарно – в самиздате, личных библиотеках и букинистических магазинах; крайне затруднено, но всё же возможно было ознакомление с ней как по официальным, так и неофициальным каналам[1]. Отечественная религиозно-философская традиция продолжала существовать – хотя и в обрывочном и идеологически ангажированном виде – даже в официальных научно-исследовательских сообществах. Но именно со второй половины 1980-х гг. поток исследовательских, научно-популярных и публицистических работ о национальном философском наследии становится широкомасштабным. Это быстро привело – вероятно, в полном соответствии с имеющимся общественным (и государственным) запросом – к формированию исследовательской и издательской программ, направленных на создание нового, целостного образа русской философской мысли. По прошествии десятилетий кажется, что не всегда осознаваемой предпосылкой этого процесса было искреннее убеждение в том, что «возвращение имен» как бы само собой приведет к включению их в актуальный философский, культурный и социально-политический контекст. Однако уже к середине 1990-х гг. наиболее чуткие участники событий пришли к выводу о недостаточности механического воспроизводства – тем более зачастую слишком резонирующего с капризами социально-культурной конъюнктуры – для

[1] Любопытно, что сама Н.В. Мотрошилова свидетельствовала, что, еще будучи студенткой, в рамках изучения феноменологии Гуссерля она в середине 1950-х гг. читала тексты русских авторов, посвященные его философии, в том числе статью Л. Шестова «Memento mori (по поводу теории познания Э. Гуссерля)», опубликованную в «Вопросах философии и психологии» в 1917 г. См.: Н.В. Мотрошилова, *Мыслители России и философия Запада (В. Соловьёв. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов)* (М.: Республика, Культурная революция, 2007), 398. В интервью 2012 г. она в свою очередь упоминала о чтении тайно доставлявшихся ей друзьями работ Н. Бердяева и Вл. Соловьёва («Интервью с Мотрошиловой Н.В.», *Финиковый компот,* № 2 (2012), 15 июня 2025. http://datepalmcompote.blogspot.com/2012/12/blog-post.html. Отметим также, что исследовательская задача реконструкции и анализа форм существования исторического наследия отечественной философской мысли в самиздате и иных культурных практиках советского периода до сих пор, к сожалению, не только не решена, но фактически даже не поставлена.

актуализации идей, концептуальных наработок и методологических подходов отечественного философского наследия прошлого века. Например, Сергей Сергеевич Хоружий, будучи активным участником событий, уже в 1994 г. писал (не без доли самокритики), что эта эпоха характеризовалась, в том числе по объективным причинам, не только некоторой несерьезностью, но иногда и уродливостью форм, излишне апологетическим, популярным и конъюнктурным характером, что привело к дефициту критического и аналитического элемента, необходимого для подлинного диалога философского наследия с современностью[2]. Медленно, но верно, однако, процесс широкомасштабного освоения русского философского наследия сошел на нет: к началу XXI в. эта тема осталась по большому счету в сфере интересов лишь тех, кто в той или иной степени связал с ней свою академическую траекторию.

Представляется, что это произошло как минимум по нескольким причинам. Установка на механическое воспроизводство – подчеркнем, неминуемая в той культурно-исторической обстановке – сравнительно быстро исчерпала свой потенциал: был обнаружен неизбежный и понятный в силу исторических причин разрыв между отечественным философским наследием и концептуальным и методологическим полем современной философии. К преодолению этого разрыва «с ходу» философское сообщество оказалось не готовым: современная философия прежде всего должна была быть освоена, чем и занялась наиболее многочисленная часть профессиональной корпорации. В силу этого возник еще один, на этот раз корпоративный, разрыв – между группами, занимающимися проблематикой, претендующей на актуальность, и сообществами, исследующими наследие русской философской мысли. Этот разрыв мог быть преодолен – точнее говоря, не допущен – только коллективными, скоординированными, в том числе институционально закрепленными, усилиями, чего тем не менее не произошло. Снижалось и напряжение соответствующей историко-философской работы. Взрывной рост публикаций, связанных с историей

[2] С.С. Хоружий, *После перерыва. Пути русской философии* (СПб.: Алетейя, 1994), 8.

русской философии, должен был бы смениться углублением исследовательских программ и подходов, их ориентацией на фундаментальную историко-философскую деятельносить, связанную с систематической текстологической, архивной, источниковедческой работой. Несмотря на отдельные позитивные примеры, история русской философии как научная дисциплина развивалась, скорее, инерционным образом. К причинам, приведшим к подобной ситуации, можно отнести и целый ряд неблагоприятных социальных факторов: снижение общественного запроса, общий кадровый кризис в российской науке, тенденция ко всё большей научной специализации, давление наукометрических показателей и др. Сыграла свою роль и иллюзорная доступность отечественного историко-философского материала: итогом стало то, что немалая доля статей и книг, тематически связанных с историей русской философии, имела и имеет откровенно спекулятивный характер[3]. При этом хочется подчеркнуть, что в историографии русской философии продолжали (и продолжают) происходить значимые события, выходить прорывные публикации, осуществляться фундаментальные издательские проекты, но, на наш взгляд, становилось очевидным, – особенно на контрасте с предыдущей эпохой, – что это уже, скорее, результат усилий отдельных энтузиастов и немногочисленных исследовательских групп и сообществ, узкопрофессионально связанных с обозначенной проблематикой.

Именно в контексте этого всё более затухающего импульса первоначально широкого интереса философской общественности к истории русской философии и публикуется книга Мотрошиловой «Мыслители России и философия Запада (В. Соловьёв. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов)», ставшая итогом многолетних штудий автора и продемонстрировавшая возможность преодоления указанных выше разрывов. Несколько лет спустя выходит в печать и «Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль». Обе книги – звенья

[3] Свое понимание этой кризисной ситуации мы более подробно изложили в следующей статье: В.В. Сидорин, «О дурной бесконечности, или История отечественной философии на исходе первой четверти XXI века», *Отечественная философия* 2, № 3 (2024): 5–16.

одной цепи и представляют собой продуманную исследовательскую программу. Не претендуя на исчерпывающий анализ и даже скрупулезную реконструкцию этой программы, хотелось бы кратко остановиться на нескольких моментах, которые кажутся нам узловыми и определяющими для оптики, используемой Мотрошиловой в ее работах по истории русской философии.

Значение Владимира Соловьёва в историко-философских исследованиях Мотрошиловой

Прежде всего обращает на себя внимание то значительное место, которое в исследовательских работах Нелли Васильевны занимает Вл. Соловьёв: именно ему посвящена значительная часть книги «Мыслители России и философия Запада», а ее автор долгие годы активно участвовал в деятельности Межрегионального научно-образовательного центра «Соловьёвский семинар» и журнала «Соловьёвские исследования». Такое внимание к творческому наследию выдающегося отечественного философа второй половины XIX в., конечно, неслучайно и обусловлено целым рядом обстоятельств. Думается, что этот фокус внимания можно объяснить как минимум следующими причинами.

1. Важнейшая цель исследовательской программы Мотрошиловой заключалась в фиксации и анализе парадигмального сдвига, произошедшего, по ее мнению, в философском мышлении на рубеже XIX–XX вв., – перехода к разнообразным вариантам «философии жизни», меняющего не только способы решения философских задач, но и сами пути их постановки. И ведущие представители русской философской мысли этого времени – Соловьёв, Бердяев, Франк, Шестов – не только принимали, с ее точки зрения, непосредственное участие в данном процессе, но и во многом предвосхищали его, опережая в этом отношении своих европейских коллег. При такой перспективе Соловьёву, наверное, не могло не принадлежать ведущее место: и заслуги, и неудачи его философского проекта оказали ключевое влияние на становление русской религиозно-философской традиции первой половины XX в. Ко всему, что привлекало

Нелли Васильевну в русской философии этого периода – глубина метафизических и общефилософских вопросов, стремление к разветвленной системности, ориентация на преодоление одностороннего рационализма, сращенность философии и искусства, чувствительность к этической и социально-философской проблематике[4] – приложил свой талант Владимир Соловьёв, если и не задав многие парадигмальные для русской философии начала XX в. тенденции – всё же многое делалось в этом отношении и до Соловьёва, и параллельно с ним, – то значительно усилив, углубив и закрепив их в отечественной философской культуре.

2. Вторая ключевая, как представляется, цель исследовательского проекта Мотрошиловой (как историка русской философии) – обоснование и аргументированная демонстрация того, что русская философия рубежа XIX–XX вв. всей своей сущностью – темами, подходами, стилем мышления и многими выводами – была неотделима от современной ей европейской философии даже тогда, когда предпочитала акцентировать свою исключительность, заявлять о тупиковости путей европейского философского мышления и анонсировать переход к иному способу философствования. И здесь опять же трудно было найти более удачную фигуру, чем Владимир Соловьёв: идеи, интуиции, подходы отечественного философа были теснейшим образом вплетены в ткань европейской философии – Платон, Декарт, Спиноза, Кант, Гегель, Шеллинг, Шопенгауэр, Милль, Спенсер и Ницше были для него как источниками теоретического вдохновения, так и точками полемического отталкивания, и его философия не может быть понята в отрыве от данного контекста. Именно мысль Соловьёва представляет собой, возможно, наиболее удачный пример своеобразной особенности русской религиозно-философской мысли, выразившейся не только в метафизике и теории познания, но и, быть может, наиболее остро в философии истории, в размышлениях об историческим путях России: с одной стороны, тесная завязанность на европейский философский контекст, с другой – неизбывное стремление преодолеть, перерасти, а то и исправить

[4] Мотрошилова, *Мыслители России и философия Запада*, 4.

его. В этом отношении исследовательская программа Мотрошиловой в области истории русской философии – одна из наиболее примечательных за последние три десятилетия попыток вскрыть, проанализировать и снять (во вполне гегелевском смысле) это внутреннее противоречие, и философия Соловьёва закономерно оказывалась наиболее удобным полем для осуществления этих операций.

3. В книге «Мыслители России и философия Запада» Мотрошилова пишет о «новаторском преобразовании историко-философского рассуждения», совершенном Соловьёвым в магистерской диссертации «Кризис западной философии. Против позитивистов». Его суть заключается в реконструкции совокупного развития европейской философии через конструирование обобщенной типологии воззрений в их внутренней проблемной взаимосвязи[5]. Это небольшое место – буквально несколько абзацев – играет, как кажется, куда большую роль, чем это может показаться на первый взгляд. Его цель состоит не только и не столько в прояснении причин столь масштабной обобщенности, отсутствия сколь-нибудь заметной детализации, стремления к широким историко-философским мазкам (за что философу досталось множество упреков как от современников, так и последующих исследователей его философских идей) в той картине развития европейской философии, которую рисует Соловьёв в своей магистерской диссертации, да и многих других работах. В большей степени, мы полагаем, речь здесь идет о том, что, обосновывая свою концепцию параллельного (в отечественной и европейской философии) парадигмального сдвига в способе, образе и цели философского мышления на рубеже XIX–XX вв., Мотрошилова фактически использует выявленный ею соловьёвский способ историко-философского рассуждения, сознательно принимая на себя ответственность за все его достоинства и недостатки. Иными словами, соответствующие места книги имели для Нелли Васильевны, как думается, далеко не только историко-философское, но и самостоятельное значение, став фактически тем методологическим средством (типологически целостной историко-философской реконструкцией),

[5] Мотрошилова, *Мыслители России и философия Запада*, 118–119.

которое и легло в основание указанной выше исследовательской программы: речь шла о применении созданного Соловьёвым типа историко-философского рассуждения к материалу отечественной истории философии, рассматриваемой в контексте европейской философской мысли.

4. Смеем предположить, что значение Соловьёва для Мотрошиловой было обусловлено еще одним важным обстоятельством. Стремление к комплексному, скрупулезному анализу исследовательских проблем, многомерному пониманию философии, открытость к разным позициям и точкам зрения (при условии их достаточной аргументированности) приводили ее, как кажется, к негативному отношению к упрощенному схематизму и бинарным оппозициям, что ярко проявлялось как в исследовательских работах, так и в личном общении. В Соловьёве она, думается, особенно ценила относительную «срединность» его позиции: чуждый по большому счету как славянофилам, так и западникам – чуждый в том смысле, что динамика его мысли не позволяла и не позволяет однозначно отнести его к тому или иному направлению, – постоянно находящийся под огнем критики то со стороны консерваторов, то со стороны либералов (а порой и одновременно отовсюду), мыслитель всегда и во всём отрицал возможность конъюнктурного компромисса, следуя в своем творчестве исключительно велениям логики, интуиции и совести. Осмелимся предположить, что Нелли Васильевне эта черта соловьёвского мышления была не только глубоко симпатична, но и отвечала ее собственным устремлениям. Будучи, что называется, «русским европейцем», она приложила множество усилий для многостороннего доказывания того факта, что по крайней мере в философском и историко-философском аспекте (т.е. в области ее профессиональных интересов) отечественная культура неотделима от европейской, а также без устали предупреждала об опасности националистического изоляционизма[6]. Вместе с тем ей был чужд

[6] Н.В. Мотрошилова, *Рождение и развитие философских идей: Историко-философские очерки и портреты* (М.: Политиздат, 1991), 4–5; Н.В. Мотрошилова, *Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль* (М.: Академический Проект, 2012), 6–7.

односторонний европоцентризм и игнорирование национального культурно-исторического своеобразия, в том числе и в области философии. В знаменитом учебнике-четырехтомнике по истории философии, написанном под ее редакцией, – наверное, самом популярном в России учебнике по этой дисциплине за последние несколько десятилетий – прямо проговаривалось стремление к преодолению прямолинейного «западоцентризма». При этом здесь не было ни тени политического компромисса – дело было в убеждении в существовании непреодолимой и часто конфликтной, но вместе с тем плодотворной двойственности и парадоксальности, присущей, по ее мнению, историческому развитию философского знания:

> В данном учебнике постоянно идет речь о внутреннем противоречии, неснимаемой антиномии историко-философского процесса – напряженном противоречии между неповторимым своеобразием продуктов этого процесса, его конкретно-исторических, региональных, национальных, личностно-индивидуальных форм и его неуклонным превращением в преемственный процесс взаимодействия различных традиций, вместе представляющих единство мировой философии[7].

Эта двойственность, антиномичность присуща, с ее точки зрения, и национальному историческому сознанию: только бережное, но вместе с тем критическое отношение к прошлому может стать основой плодотворного поиска ответов на вызовы современности; опорой нового исторического самосознания может быть только чуткое внимание как к достижениям всечеловеческой культуры, так и к собственным духовным традициям[8]. Несмотря на очевидные трудности, возникающие в процессе подстановки конкретных значений в эту предельно общую формулу, ее эвристическую значимость, на наш взгляд, трудно переоценить.

Такая позиция позволяла ей занимать уникальное место в профессиональном сообществе – особенно в сообществе

---

[7] Н.В. Мотрошилова, А.М. Руткевич, ред., *История философии: Запад – Россия – Восток. Книга первая: Философия древности и Средневековья: Учебник для вузов*, 2-е изд. (М.: Академический Проект, 2012), 4.

[8] Мотрошилова, *Рождение и развитие философских идей,* 4.

историков русской философии, где исследовательские подходы и оценки всё еще, к сожалению, сильно коррелируют с личными социально-политическими установками. Академический мир – как и прочие срезы общественной жизни – склонен к некоторой клановости, формированию относительно герметичных сообществ: при этом чем более различны исследовательские и/или социально-политические позиции этих сообществ, тем зачастую малоинтенсивнее личная и профессиональная коммуникация между ними. Нелли Васильевна обладала совершенно удивительной способностью контактировать с самыми различными группами и людьми, искренне пытаясь понять – что, разумеется, не значит принять – другие (в том числе существенно иные) позиции, подходы, мнения, оценки. В этом отношении ей, конечно, был чужд увлекающийся бойцовский темперамент Владимира Соловьёва, который заставлял того далеко не безупречно действовать в пылу полемики (в том числе в публичной плоскости), не пренебрегая и разрывом многолетних дружеских и личных связей.

Таковы, на наш взгляд, причины, обусловившие столь значительное место творческого наследия Соловьёва в историко-философских штудиях Мотрошиловой по русской философии. При содержательном анализе ее концепции прежде всего обращает на себя внимание, конечно, то обстоятельство, что конститутивным принципом этой исследовательской программы оказывается тезис о «спонтанной параллельности» развития отечественной и европейской философии на рубеже XIX–XX вв. (а также в 1950–1980-х гг. XX в.) и связанное с ним стремление к типологически целостному рассмотрению философского наследия того или иного мыслителя.

«Спонтанная параллельность» отечественной и европейской философской мысли

Отправной точкой размышлений Мотрошиловой становится фиксация кризиса философии на рубеже XIX–XX вв., связанного с исчерпанием потенциала классического рационализма, конституированного в первую очередь Декартом и Кантом,

и, соответственно, предпринимаемыми усилиями по поиску новых, неклассических парадигм философского мышления. В европейской философии этот поиск привел к возникновению целого созвездия философских направлений – философий жизни Ницше, Бергсона и Дильтея, феноменологии Гуссерля, неокантианства, психоанализа и прагматизма. При всех фундаментальных отличиях между ними их объединяло стремление создать иной проект философии, будь то на пути пересмотра проблемы субъекта, обновления онтологии, ревизии прежних эпистемологических установок рационализма или введения понятия «жизни» как основополагающей философской категории. И ключевое положение исследовательской программы Мотрошиловой в отношении истории отечественной философии заключалось в утверждении, что русские философы рубежа XIX–XX вв. не только синхронно с европейскими коллегами почувствовали необходимость поиска неклассических философских парадигм, но и осуществили ряд важнейших шагов в этом направлении, предлагая целый ряд новых вариантов «философии жизни», пролагая путь философско-антропологическим, персоналистским, экзистенциальным тенденциям и тем самым нередко предвосхищая исторические повороты европейской философии. Философия всеединства Соловьёва с ее всеобъемлющими синтетическими устремлениями, христианский экзистенциализм Бердяева, иррационализм Шестова, онтологический поворот Франка оказывались необходимыми и важнейшими шагами на пути одной из наиболее существенных трансформаций в истории развития философского знания. Эту синхронность творческих устремлений Мотрошилова фиксировала с помощью заимствованного у немецкого феноменолога религии Рудольфа Отто понятия «спонтанной параллельности», не раз встречающегося на страницах ее работ, посвященных отечественной философии.

Аналогичную, хотя и менее масштабную картину Мотрошилова рисует в отношении развития советской философии второй половины XX в. («Отечественная философия 50–80-х гг. XX века и западная мысль»), находя в нём ряд опорных точек и case studies – преодоление неопозитивизма (при сохранении его положительного содержания), поиски нового образа Маркса,

осуществляемые по обе стороны железного занавеса, интенсивное развитие дисциплинарного пространства социологии знания, – позволяющих ей заявлять о сохранении некоторого параллелизма отечественной и европейской философии, несмотря на трагические и катастрофические исторические испытания, выпавшие на долю первой[9].

Тезис о «спонтанной параллельности» отечественной и европейской философии второй половины XIX–XX вв., синхронном развитии их творческих поисков, многосторонней перекличке идей позволял Мотрошиловой обосновать и продемонстрировать фундаментальную для ее исследовательской программы идею о сущностном проблемном единстве отечественной и европейской философской культуры. Именно их единство оказывалось условием подчинения общей логике процесса развития философского знания: «Перекличка идей – это специфическая и очень важная черта, причем очень явная черта культурного процесса. Это внутренняя логика развития культуры, которая заставляет синхронно звучать те идеи,

[9] Хотелось бы отметить еще один важный аспект данной исследовательской работы Мотрошиловой. Речь идет о внимании к институциональному аспекту истории отечественной философии – концепции неортодоксальных сообществ, сыгравших значительную роль в подспудной трансформации советской философии второй половины XX в. Эвристическое значение подобного подхода, на наш взгляд, всё еще не оценено, несмотря на яркие попытки продемонстрировать его возможности на примере ряда сюжетов из истории философии и интеллектуальной истории (см., например: *Логос* 30, № 6 (2020); М.К. Петров, *История институтов науки. Опыт изложения институциональной истории науки на материале англо-американской научной традиции* (Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2017); Ю.А. Шичалин, *История античного платонизма в институциональном аспекте* (М.: Греко-латинский кабинет, 2000)). Однако историография русской философии традиционно выстраивается либо вокруг отдельных персоналий, либо вокруг отдельных направлений или школ (русский религиозно-философский идеализм, русский марксизм, русское неокантианство, феноменология в России и т.д и т.п.), еще реже вокруг тех или иных проблемных срезов. В то время как не менее продуктивным для истории отечественной философии, по нашему мнению, может стать институциональный подход, подразумевающий обращение к истории институтов и институционализированных форм интеллектуальных практик.

создатели которых даже не были знакомы с сочинениями друг друга»[10].

Следует отметить, что наиболее чувствительной проблемой – «трудным и болезненным вопросом», как со свойственной ей интеллектуальной честностью признавала сама Нелли Васильевна[11], – при таком подходе оказывается вопрос отсутствия русско-европейского философского диалога, фактического игнорирования отечественной философии со стороны западного интеллектуального сообщества. Нелли Васильевна всегда очень трепетно относилась к примерам отклика европейской философской общественности на идеи и подходы российских мыслителей, шла ли речь о признании русских неокантианцев начала XX в. на Западе, определенном интересе отдельных европейских философов, богословов и исследователей к некоторым идеям и фигурам отечественной философии или прямых контактах Мераба Мамардашвили с европейскими интеллектуалами. Однако она признавала, что эти отклики носили спорадический характер, интерес европейского интеллектуального сообщества к русской философии всегда оставался периферийным и маргинальным явлением, не позволяя говорить о подлинном философском *диалоге* русской и европейской культур. Если включенность европейской философии в отечественное культурное пространство не вызывает никаких сомнений – в том числе благодаря исследованиям Мотрошиловой, – то говорить о том, что российское философское наследие в сколь-нибудь значимой степени инкорпорировано в тематическое, проблемное, концептуальное и методологическое поле европейской философии действительно не представлялось и не представляется возможным. В этой связи особое внимание обращает на себя заочная полемика Мотрошиловой с Эвертом ван дер Звеерде на страницах «Мыслители России и философия Запада».

Фиксируя известность мысли Владимира Соловьёва – да и русской философии в целом – лишь в западном специализированном сообществе историков-русистов и отчасти богословских кругах, нидерландский исследователь намечал программу

[10] Мотрошилова, *Мыслители России и философия Запада*, 155.

[11] Мотрошилова, *Мыслители России и философия Запада*, 172.

ее деконструкции, призванной интегрировать ее в актуальное пространство глобальной философии и состоящей из последовательных денационализации, дерусификации и дехристианизации русской философской культуры[12]. Трудно не признать то обстоятельство, что национальная специфика русской философии – зачастую достаточно ярко выраженная, а порой и сознательно акцентируемая многими отечественными мыслителями – представляет собой объективное препятствие для ее активной рецепции западной философией. Однако, с другой стороны, возможность (а главное – эффективность) такой деконструкции в контексте заявленной цели вызывает сомнения. Отечественная философия знает пример историко-философского феномена, не нуждавшегося в подобной деконструкции в силу, так сказать, естественных причин – речь идет о русском марксизме 1895–1924 гг. Будучи лишенным как религиозно-христианских, так по большому счету и национальных мотивов (но не особенностей), он был не только включен в соответствующий европейский контекст, но и зачастую оказывался в эпицентре событий. Именно русский марксизм рубежа XIX–XX вв. следует признать, как кажется, наиболее включенным в европейский философский контекст – причем речь идет о включении именно в «живой», полемический, а не исследовательский контекст – направлением русской мысли за всю историю русско-европейского философского «диалога». Однако обусловлено это было, скорее, причинами политического порядка и перипетиями партийной борьбы внутри марксистского лагеря: достаточно вспомнить выпадение из этого контекста Александра Богданова и его круга (Владимир Базаров, Яков Берман, Павел Юшкевич и др.), сконцентрировавшихся на разработке собственно философской проблематики и державшихся – по крайней мере, с определенного момента – в стороне от межфракционной борьбы внутри европейской социал-демократии. Поэтому трудно не согласиться с Мотрошиловой, поставившей под сомнение саму возможность такой деконструкции, отказавшейся считать

[12] Эверт ван дер Звейрде, «Деконструкция и нормализация: к оценке философского наследия Владимира Соловьёва», в *Взгляд со стороны на историю русской и советской философии* (СПб.: Алетейя, 2017), 214–233.

национальные и религиозные обертоны русской философии главной причиной того, что она была не замечена на Западе, и призвавшей, по своему обыкновению, к тонкой и аккуратной проработке проблемы присутствия национального элемента в философии[13]. Однако стремление самой Нелли Васильевны свести проблему к совокупности относительно простых социокультурных факторов – языковому барьеру, историческим периодам изоляционизма России и особенно структуре западного образования и распространенному на Западе снобизму по отношению к русской мысли – также, кажется, в свою очередь, небесспорным: последние два фактора, представляющиеся в ее понимании главными, сами требуют объяснения и оказываются, на наш взгляд, скорее следствиями относительной герметичности европейской культуры и ее «самоцентричной» установки, действительно затрудняющих проникновение в сущностное ядро европейской философии «неродных» (или «не до конца родных») философских культур.

Еще одной важной особенностью историко-философской панорамы отечественной мысли, рисуемой Мотрошиловой оказывается стремление к рассмотрению наследия анализируемых мыслителей как относительно целостного системного единства, выделению в нём того, что представляется ее сущностно значимым ядром, и акцентированию его сравнительной неизменности. Стремление к типологически обобщенному рассмотрению позволяло выносить за скобки специфику культурно-исторического контекста – он всегда имелся в виду, но на фоне поставленных задач оказывался как бы несущественным. Это стремление позволяло Мотрошиловой эффективно и часто эффектно решать поставленные исследовательские задачи, однако подобная оптика не могла не привести к некоторой редукции и неизбежным при таком характере масштабирования упрощениям, на что было справедливо указано критикой[14]. В работах

[13] Мотрошилова, *Мыслители России и философия Запада*, 175.

[14] С.Б. Роцинский, Рецензия на книгу *Мыслители России и философия Запада (В. Соловьёв. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов)*, Н.В. Мотрошилова, *Соловьёвские исследования* 14 (2007): 265; Р. Гальцева. «Новая книга по русской философии в современном контексте», *Новый мир* 2 (2007): 196–197.

о Соловьёве широкая типологическая картина – повторюсь, оправданная в контексте поставленных автором исследовательских задач, – тем не менее неизбежно приводит к утере многообразия деталей, показывающих, насколько существенно могли корректироваться творческие устремления Соловьёва, как многому он обязан не только европейской философии, но и локальной философской культуре: славянофилам, православному богословию, своему философскому окружению, социально-политическому и резонирующему с ним публицистическому контексту 1870–1890-х гг. Тезисы о сущностном единстве творческого пути Соловьёва (Франка или Бердяева), лежащие в основе анализа Мотрошиловой идей этих мыслителей, разумеется, не бесспорны со строго историко-философской точки зрения и оказываются оправданными только при конструировании крупномасштабных карт их философского наследия. Последние, однако, достигают цели: отечественная философская мысль с помощью использования подобной оптики оказывается составным элементом типологически эксплицируемой внутренней логики развития европейской философии.

Вместо заключения

Стремление Мотрошиловой к типологическим обобщениям создает основу для разного рода уязвимостей в ее реконструкции развития истории отечественной философии. Это прекрасно понимала и сама Нелли Васильевна, с присущей ей интеллектуальной добросовестностью особо подчеркивавшая значение для нее личностных оговорок («я думаю», «с моей точки зрения» и т.д.) и повествования от первого лица единственного числа[15]. Однако по масштабу поставленной цели, тщательно продуманной последовательности задач на пути ее достижения и охвату привлекаемого материала ее исследовательская программа в отношении истории отечественной философии представляет собой одно из наиболее примечательных

[15] Мотрошилова, *Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль*, 4–5.

за последние десятилетия явлений в историографии русской философской мысли. Его элементами оказываются не только продуманная исследовательская программа и стратегия, но и язык: книги Мотрошиловой по русской философии (как и прочие исследования) отличаются не только тонким профессиональным анализом, оценить который способны скорее профессионалы, а не широкая аудитория, но и ярким – не без беллетристики – языком: магистерский диспут Соловьёва описан живописно и с великолепной внутренней драматургией[16]. Это, бесспорно, еще одна причина уникальной востребованности ее работ, пользующихся популярностью и авторитетом не только в профессиональной среде, но и у широкой аудитории с философскими интересами. Еще одна ключевая причина этой популярности, думается, – постоянное стремление к актуализации отечественного философского наследия: призывы к подобной актуализации, а также ритуальные заверения в актуальности русской философской мысли достаточно давно стали общим местом, однако в отличие от значительной части авторов, высказывающихся по этому поводу, Нелли Васильевна демонстрировала исследовательски конкретный, а не декларативный подход к этой проблеме.

Говоря о русской философии, в качестве ее примечательной особенности часто выделяют постоянную саморефлексию о своей национальной природе и вместе с тем о месте в европейском философском пространстве. Работы Мотрошиловой роднит с отечественной философией не только пристальное внимание к этому проблемному моменту национального культурного самосознания. Многие страницы ее работ – например, посвященные Шестову[17] – показывают глубокий личностный, а не только исследовательский интерес к вопросам российского менталитета, трагическим перипетиям отечественной истории, неблагополучным аспектам национального бытия, судьбам российской интеллигенции. В этом отношении работы Мотрошиловой о русской философии вписались в традицию и займут там, несомненно, достойное их место.

---

[16] Мотрошилова, *Мыслители России и философия Запада*, 17–44.

[17] Мотрошилова, *Мыслители России и философия Запада*, 433–437.

Всё новые поколения молодых философов и интеллектуалов обращаются к наследию отечественной философской мысли. Это естественный процесс: как отмечала сама Нелли Васильевна, «обращение философа к культуре, к философской мысли своей страны, вообще говоря, не требует специального обоснования»[18]. Хочется верить, что это обращение будет действительно творческим и продуктивным, благо история русской философии обладает существенным потенциалом и как объект историко-философского исследования, и как материал для актуального философствования, что было показано в том числе и в ее работах.

Список литературы / References

Гальцева, Рената. «Новая книга по русской философии в современном контексте». *Новый мир* 2 (2007): 192–199.

(Gal'tseva, Renata. «A New Book on Russian Philosophy in Modern Context». *New World* 2 (2007): 192–199 (in Russian)).

Звейрде, ван дер Э. «Деконструкция и нормализация: к оценке философского наследия Владимира Соловьёва». В *Взгляд со стороны на историю русской и советской философии*, 214–233. СПб.: Алетейя, 2017.

(Zweerde, Evert van der. [«Deconstruction and Normalization: an Assessment of Vladimir Solovyov's Philosophical Legacy]». In [*An Outside View of the History of Russian and Soviet Philosophy*], 214–233. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2017 (in Russian)).

«Интервью с Мотрошиловой Н.В». *Финиковый компот* 2 (2012). Дата обращения 15 июня 2025. http://datepalmcompote.blogspot.com/2012/12/blog-post.html.

([«Interview with N.V. Motroshilova»]. *Date Palm Compote* 2 (2012). June 15, 2025. http://datepalmcompote.blogspot.com/2012/12/blog-post.html (in Russian)).

Логос 30, № 6 (2020).

(*Logos* 30, No. 6 (2020) (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. и А.М. Руткевич, ред. *История философии: Запад – Россия – Восток. Книга первая: Философия древности*

[18] Мотрошилова, *Мыслители России и философия Запада*, 3.

и Средневековья: Учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2012.

(Motroshilova, Nelly V. and Alexei M. Rutkevich, eds. [*History of Philosophy: West – Russia – East. Book One: Philosophy of Antiquity and the Middle Ages: A Textbook for Universities*]. 2nd ed. Moscow: Academic Project Publ., 2012 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. *Мыслители России и философия Запада (В. Соловьёв. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов)*. М.: Республика; Культурная революция, 2007.

(Motroshilova, Nelly V. [*The Thinkers of Russia and the Philosophy of the West (V. Solovyov, N. Berdyaev, S. Frank, L. Shestov*]. Moscow: Republic; Cultural Revolution, 2007 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. *Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль*. М.: Академический Проект, 2012.

(Motroshilova, Nelly V. [*Russian Philosophy of the 50–80s of the 20th Century and Western Thought*]. Moscow: Academic Project Publ., 2012 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. *Рождение и развитие философских идей: Историко-философские очерки и портреты*. М.: Политиздат, 1991.

(Motroshilova, Nelly V. [*The Birth and Development of Philosophical Ideas: Historical and Philosophical Essays and Portraits*]. Moscow: Politizdat Publ., 1991 (in Russian)).

Петров, М.К. *История институтов науки. Опыт изложения институциональной истории науки на материале англо-американской научной традиции*. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2017.

(Petrov, Mikhail K. [*The History of the Institutes of Science. The Experience of Presenting the Institutional History of Science Based on the Anglo-American Scientific Tradition*]. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press, 2017 (in Russian)).

Роцинский, С.Б. Рецензия на книгу *Мыслители России и философия Запада (В. Соловьёв. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов)*, Н.В. Мотрошилова, *Соловьёвские исследования* 14 (2007): 260–273.

(Rotsinsky, Stanislav B. Review of *The Thinkers of Russia and the Philosophy of the West (V. Solovyov, N. Berdyaev, S. Frank, L. Shestov*), by N.V. Motroshilova, *Solovyov Studies* 14 (2007): 260–273 (in Russian)).

Сидорин, В.В. «О дурной бесконечности, или История отечественной философии на исходе первой четверти XXI века». *Отечественная философия* 2, № 3 (2024): 5–16. https://doi.org/10.21146/2949-3102-2024-2-3-5-16.

(Sidorin, Vladimir V. «On Bad Infinity, or History of Russian Philosophy at the End of the First Quarter of the 21st Century». *Otechestvennaya filosofiya / National Philosophy* 2, No. 3 (2024): 5–16. https://doi.org/10.21146/2949-3102-2024-2-3-5-16 (in Russian)).

Хоружий, С.С. *После перерыва. Пути русской философии*. СПб.: Алетейя, 1994.

(Horuzhiy, Sergei S. [*After the Break. Ways of Russian Philosophy*]. St. Petersburg: Aletheia, 1994 (in Russian)).

Шичалин, Ю.А. *История античного платонизма в институциональном аспекте*. М.: Греко-латинский кабинет, 2000.

(Shichalin, Yurii A. [*The History of Ancient Platonism in the Institutional Aspect*]. Moscow: Yuriy Shichalin's Museum Graeco-Latinum Publ., 2000 (in Russian)).